

УДК 342.7

DOI 10.18413/2075-4566-2019-44-3-474-479

**КОНСТИТУЦИОННО-СТРУКТУРНАЯ КОРРЕЛЯЦИЯ
ПРАВООЗАЩИТНЫХ РИСКОВ В ОСНОВНОМ ЗАКОНЕ 1918 ГОДА****CONSTITUTIONAL AND STRUCTURAL CORRELATION
OF HUMAN RIGHTS RISKS IN THE BASIC LAW OF 1918****А.Е. Новикова****A.E. Novikova**

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85

Belgorod State National Research University,
85 Pobeda St., Belgorod, 308015, Russia

E-mail: novikova_a@bsu.edu.ru

Аннотация

В связи с современной разработкой теории правозащитных рисков целесообразно в историческом сравнительно-правовом ключе говорить о декларативно-конституционной модели (по последовательности текста Основного документа Конституции РСФСР 1918 года). По мнению автора, в Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа очевидны титульные и содержательные несовпадения, опосредующие правозащитные риски. Кроме того, в ней использованы термины, ведущие к количественной и качественной неоднозначности круга адресатов субъективных прав и свобод, их минимальному закреплению в связи с обеспечением власти трудящихся над эксплуататорами или иными политическими установками, а также формулировки, предназначенные для благих целей, но в большей мере создающие опасные условия для прав и свобод личности. Автором продемонстрировано, что именно Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа является «источником» правозащитных рисков не только с установленными и присущими ей терминологическими разночтениями, но и генеральной нестыковкой в адресатах-гражданах, формализованных в Конституции РСФСР 1918 года.

Abstract

In connection with the modern development of the theory of human rights risks, it is advisable in a historical comparative legal way to talk about the declarative-constitutional model (according to the sequence of the text of the Main document of the Constitution of the RSFSR in 1918). According to the author, in the Declaration of the rights of the working and exploited people, titular and substantive discrepancies mediating human rights risks are obvious. In addition, it uses terms that lead to quantitative and qualitative ambiguity in the range of recipients of subjective rights and freedoms, their minimum consolidation in connection with the provision of workers' power over exploiters or other political attitudes, as well as language designed for good purposes, but to a greater extent creating dangerous conditions for the rights and freedoms of the individual. The author demonstrates that the Declaration of the rights of the working and exploited people is the "source" of human rights risks not only with established and inherent terminological differences, but also General inconsistency in the addressees-citizens formalized in the Constitution of the RSFSR in 1918.

Ключевые слова: конституция, риск, правозащитный риск, гражданин, трудящийся, права и свободы.

Key words: Constitution, risk, human rights risk, citizen, worker, rights and freedoms.

В связи с разработкой теории правозащитных рисков, включающей дефинитивные, регулятивные, вариативные и минимизирующие аспекты [Новикова, 2011а; Новикова, 2011б; Новикова, 2017], считаем целесообразным обратить внимание и на историко-правовую часть вопроса.

Уточним, что для современной юридической науки характерны исследования в области теории рисков. Определение риска с точки зрения права отлично от иных даваемых определений и заключается в следующем: это объективное состояние возникновения опасности причинения вреда, при котором неизвестно, наступит этот вред или нет [Лиховидов К., 2011]. В отраслевом аспекте даются соответствующие определения риска с учетом своей методологии и правового инструментария. Примечательно, что в юридической литературе можно встретить и различные характеристики риска. Его называют обоснованным [Комментарий к Уголовному кодексу..., 2006], правомерным [Сокол П.В., 2006], оправданным [Комментарий к Трудовому кодексу..., 2005], нормальным производственно-хозяйственным [Фофанов В.А., 2006] и т.д.

В рамках данной работы правовой оценке подлежит Конституция (Основной Закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики 1918 г. (далее – Конституция / Основной закон РСФСР) [СУ РСФСР, 1918] на предмет установления в ней норм, влияющих на появление правозащитных рисков.

Исходя из положений преамбулы Конституции РСФСР 1918 г., в ее текст включена Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа (Раздел 1). Факт консолидации подобного рода документа в Основной Закон расцениваем как положительный. Однако последующий анализ указал на то, что прикладного гуманитарного значения для человека и гражданина нормы Декларации не имели.

Так, адресаты, названные в Декларации, специфичны как носители субъективных прав и свобод (что соответствовало требованиям времени). Кроме того, трудящийся и эксплуатируемый народ – категория населения численно меньшая, чем совокупность людей, находящихся на территории государства, включая и иностранцев. Таким образом, Декларация, как часть Конституции, не закрепляла универсальное наделение, признание, гарантирование прав и свобод личности. Полагаем, данный терминологический аспект является первым в числе правозащитных рисков.

Структурно разбирая Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа, видим, что Глава 1 посвящена характеристике и способу учреждения государства, источнику власти и ее организации, но не статусу носителей субъективных прав. Такой подход в миниатюрном варианте соответствует и современному конституционному структурированию, когда Глава первая посвящена основам конституционного строя, а вторая глава – правам и свободам человека и гражданина [Конституция..., 1993 г.]. Вместе с тем только в одной из четырех глав Декларации можно обнаружить формулировки, которые следует расценить как субъективные права. В остальных главах на основе торжественных и оценочных конструкций изложены политические ориентиры Советской рабоче-крестьянской Республики в мире.

Стоит отметить, что непосредственных формулировок субъективных прав и свобод личности в классическом юридико-техническом варианте в Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа все же не было. Дополнительно еще и имеющиеся положения в связи с наделением права телеологически были аффилированы не с личностью, а с предназначением государства. Так, с отменой частной собственности трудящимся без всякого выкупа, на началах уравнительного землепользования передавался земельный фонд, объявленный общенародным достоянием. Таким достоянием были все леса, недра и воды общегосударственного значения, а равно и весь живой и мертвый инвентарь, образцовые поместья и сельскохозяйственные предприятия. В этой связи затруднительно коррелировать народное достояние с экономическими правами личности.

Исходя из норм Декларации, в собственность Советской рабоче-крестьянской Республики должны были перейти фабрики, заводы, рудники, железные дороги и прочие

средства производства и транспорта. Соответственно данная норма и вовсе была бы не сопоставима с адресатами, заявленными в Декларации, если бы не цель такого перехода собственности – обеспечение власти трудящихся над эксплуататорами.

В п. «г» Главы второй и вовсе речь идет об аннулировании (уничтожении) займов, заключенных правительством царя, помещиков и буржуазии, как первом ударе по международному банковому финансовому капиталу с выражением уверенности в том, что Советская власть пойдет твердо по этому пути вплоть до полной победы международного рабочего восстания против ига капитала. Таким образом, отсутствуют положения о правах личности, а сама норма изобилует гротесковыми терминами, емко характеризующими мировые процессы с позиции вновь созданного государства, в то время как примененные характеристики, конечно, не разделялись идентичным образом всеми государствами.

В аналогичном телеологическом ключе подтверждался переход всех банков в собственность рабоче-крестьянского государства. Подчеркнем, что личность не являлась субъектом-носителем вновь объявленных благ, им все-таки являлось государство.

Как частность, в качестве следующей нормы с риск-содержанием укажем п. «ж» Главы второй Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа. В соответствии с ней в интересах обеспечения всей полноты власти за трудящимися массами и устранения всякой возможности восстановления власти эксплуататоров декретировалось вооружение трудящихся, образование Социалистической Красной Армии рабочих и крестьян и полное разоружение имущих классов. Если в связи с достижением формализованной цели можно согласиться с образованием армии и полным разоружением имущих классов, то вооружение трудящихся буквально следует расценивать, как создание условий для развития престоупной среды.

Введение всеобщей трудовой повинности (п. «е» Глава 2) скорее является нормой-обязанностью, нежели, наделением правом.

Таким образом, в структурно включенной в Конституцию РСФСР 1918 г. Декларации отсутствовали различные виды субъективных прав и свобод в типичных прямых формулировках. В качестве прообраза политического права мы можем считать формулировку п. 8 Декларации о том, что, стремясь создать действительно свободный и добровольный, а следовательно более полный и прочный союз трудящихся классов всех наций России, III Всероссийский съезд Советов предоставил рабочим и крестьянам каждой нации принять самостоятельное решение на своем собственном полномочном Советском съезде: желают ли они и на каких основаниях участвовать в федеральном правительстве и в остальных федеральных советских учреждениях.

Кроме того, в правовом пространстве и в связи с реализацией прав человека, безусловно, не имеют дополнительного смысла и гарантирующего гуманитарного потенциала оценочные термины и формулировки, примененные в Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа: «беспощадное подавление», «первый удар международному банковому...», «ига капитала», «паразитические слои общества», «когти финансового капитала и империализма, залившие землю кровью», «варварская политика», «коренные начала» и пр.

В качестве генерального вывода сформулируем тезис о том, что принятая Декларация с учетом своего наименования должна была стать источником прав для номинального адресата – трудящегося и эксплуатируемого народа. Анализ текста позволил утверждать лишь фрагментарный функционал формализации искомых субъективных прав и свобод. Таким образом, очевидны титульные и содержательные несовпадения. Кроме того, в Декларации использованы термины, ведущие к количественной и качественной неоднозначности круга адресатов субъективных прав и свобод, их минимальному закреплению в связи с обеспечением власти трудящихся над эксплуататорами или иными политическими установками, а также формулировки в буквальном смысле предназначенные для благих целей, но в большей мере создающие опасные условия для прав и свобод личности.

На наш взгляд, перечисленные деструкции в Декларации и являются правозащитными рисками.

В целом, давая оценку уже структурно-содержательной композиции текста Конституции РСФСР 1918 г. по поводу последовательности расположения норм, посвященных субъективным правам и свободам, уместны следующие умозаключения.

Интересно, что из 23 пунктов Раздела второго «Общие положения Конституции Российской Социалистической Федеративной Советской Республики» 10 посвящены субъективным правам и свободам.

В числе личных прав и свобод трудящихся заявлены такие:

- свобода совести с отделением церкви от государства и школы (п. 13);
- признание свободы религиозной и антирелигиозной пропаганды за всеми гражданами (п. 13). Отметим, что в данной норме впервые употреблен термин «гражданин». Конечно, такая конституционная позиция заслуживает одобрения, но в совокупности с установлениями включенной декларации – возникает вопрос об идентификации адресатов субъективных прав и свобод.

В числе политических прав можно указать на положение п. 10 Раздела второго, согласно которому Российская Республика есть свободное социалистическое общество всех трудящихся России, и вся власть в пределах Республики принадлежит всему рабочему населению страны, объединенному в городских и сельских Советах.

В политическом каталоге была закреплена свобода выражения мнений трудящихся (п. 14). При этом заявленная свобода формализована в обеспечительном сопряжении, т.е. в целях обеспечения свободы выражения мнений РСФСР уничтожает зависимость печати от капитала и предоставляет в руки рабочего класса и крестьянской бедноты все технические и материальные средства для издания газет, брошюр, книг и всяких других произведений печати и обеспечивает их свободное распространение по всей стране.

В аналогичном наделятельно-обеспечительном формате сформулирован п. 15 Конституции РСФСР: обеспечивая за трудящимися действительную свободу собраний, признавая право граждан Советской Республики свободно устраивать собрания, митинги, шествия и т.п., предоставляет в распоряжение рабочего класса и крестьянской бедноты все пригодные для устройства народных собраний помещения с обстановкой, освещением и отоплением. Таким образом, отмечаем употребление термина «гражданин» еще раз, а общее число его упоминания в Конституции РСФСР – 10.

Пункт 16, устанавливая и обеспечивая за трудящимися действительную свободу союзов, определил за РСФСР оказание рабочим и беднейшим крестьянам всяческое содействие, материальное и иное, для их объединения и организации.

Отметим также важность п. 20 Конституции РСФСР 1918 г., так как в нем идет речь об иностранных гражданах и наделении их всеми политическими правами российских граждан, а также право предоставлять таким иностранцам, без всяких затруднительных формальностей, право российского гражданства.

В следующем п. 21 Конституция РСФСР 1918 г. предоставила право убежища всем иностранцам, подвергающимся преследованию за политические и религиозные преступления. Таким образом, в тексте Конституции сепарированы категории граждан Российской Республики и иностранцев.

В рассматриваемом Разделе втором Конституции РСФСР 1918 г. формализовано и социальное право – в п. 17 в целях обеспечения за трудящимися действительного доступа к знанию Республика ставила своей задачей предоставление рабочим и беднейшим крестьянам полное, всестороннее и бесплатное образование.

Заслуживают внимания положения п. 22 и 23 Конституции РСФСР 1918 г. Согласно первому из них, в РСФСР признавались равные права за гражданами независимо от их расовой и национальной принадлежности; объявлялось противоречащим основным законам Республики установление или допущение каких-либо привилегий или преимуществ

на этом основании, а равно какое бы то ни было угнетение национальных меньшинств или ограничение их равноправия.

В п. 23, руководствуясь интересами рабочего класса в целом, Российская Республика лишила отдельных лиц и отдельные группы прав, которые использовались ими в ущерб интересам социалистической революции.

Положительным резюме по данным двум положениям является формализация отдельных принципов правового статуса личности, а также основания для лишения субъективных прав. Хотя с сожалением следует указать на минимально ограниченный перечень основания для недопущения личностной дискриминации.

Прогрессивным для 1918 г. считаем наличие в Конституции Раздела четвертого «Активное и пассивное избирательное право», формализовавшего субъективные политические права.

На основании п. 64, правом избирать и быть избранными в Советы пользовались граждане РСФСР обоего пола, независимо от вероисповедания, национальности, оседлости и т.п., которым ко дню выборов исполнилось восемнадцать лет. В приведенной статье содержится большее количество критериев для исключения дискриминации в сравнении с универсальной установкой п. 22 Конституции РСФСР, в котором речь идет только о расовом и национальном критериях.

Подводя итоги осуществленного исследования, полагаем в рамках теории правозащитных рисков целесообразно в историческом сравнительно-правовом ключе говорить о декларативно-конституционной модели (по последовательности текста Основного документа). При этом, как нами продемонстрировано, именно Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа является «источником» правозащитных рисков не только с установленными и присущими ей терминологическими разночтениями, но и генеральной нестыковкой в адресатах-гражданах, формализованных в Конституции РСФСР 1918 года.

Список литературы

1. Конституция (Основной Закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (принята V Всероссийским съездом Советов 10.07.1918 г.). СУ РСФСР. 1918. № 51. Ст. 582.
2. Конституция Российской Федерации принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 5.02.2014 г. № 2-ФКЗ). СЗ РФ. 2014. № 9. Ст. 851.
3. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный). 2006. Под ред. А.А. Чекалина, В.Т. Томина, В.В. Сверчкова. М., Юрайт-Издат: 1060 с.
4. Комментарий к Трудовому кодексу Российской Федерации (постатейный). 2005. Под ред. Е.Н. Сидоренко. М., Юрайт-Издат: 751 с.
5. Лиховидов К. 2001. Риск как условие дифференциации объема и мер юридической ответственности. Законность. № 12: 33–38.
6. Новикова А.Е. 2011а. Понятие и сущность правозащитных рисков. Научные ведомости БелГУ. Философия. Социология. Право. № 14 (109), 17: 151–157.
7. Новикова А.Е. 2011б. Проблемы институционализации правозащитных рисков в современной конституционно-правовой науке России. Государственная власть и местное самоуправление. № 10: 21–24.
8. Новикова А.Е. 2017. Правозащитные риски в Российской Федерации: дефинитивный, вариативный и управленческий аспекты. Инновационные научные исследования: теория, методология, практика: сборник статей X Международной научно-практической конференции. Пенза, МЦНС «Наука и Просвещение»: 196–203.
9. Сокол П.В. 2006. Комментарий к Закону Российской Федерации «Об организации страхового дела в Российской Федерации» (постатейный). М., ЗАО Юстицинформ: 200 с.
10. Фофанов В.А. 2006. Особенности организации системы материальной ответственности в Российской Федерации. Право и экономика. № 9: 61–71.

References

1. Constitution (Basic Law) of the Russian Socialist Federal Soviet Republic (adopted by the V all-Russian Congress of Soviets on 10.07.1918). SU RSFSR. 1918. № 51. St. 582 (in Russian).
2. The Constitution of the Russian Federation was adopted by popular vote on December 12, 1993 (subject to amendments made by The laws of the Russian Federation on amendments to the Constitution of the Russian Federation dated 5.02.2014 № 2-FKZ). SZ RF. 2014. № 9. St. 851 (in Russian).
3. Kommentarij k Ugolovnomu kodeksu Rossijskoj Federacii (postatejnyj) [Commentary to the Criminal code of the Russian Federation (article-by-article)] 2006. Under the editorship A.A. CHEkalina, V.T. Tomina, V.V. Sverchkova. M., YUrajt-Izdat: 1060 p.
4. Kommentarij k Trudovomu kodeksu Rossijskoj Federacii (postatejnyj) [Comment to the Labor code of the Russian Federation (article-by-article)]. 2005. Under the editorship E.N. Sidorenko. M., YUrajt-Izdat: 751 p.
5. Lihovidov K. 2001. Risk kak uslovie differenciacii ob"ema i mer juridiche-skoj otvetstvennosti [Risk as a condition of differentiation of the scope and measures of legal liability]. Zakonnost'. № 12: 33–38.
6. Novikova A.E. 2011a. Concept and nature of risk of human right. Belgorod State University Scientific bulletin. Philosophy Sociology Law. № 14 (109). Issue 17: 151–157. (in Russian).
7. Novikova A.E. 2011b. Problemy institucionalizacii pravozashchitnyh riskov v sovremennoj konstitucionno-pravovoj nauke Rossii [Problems of institutionalization of human rights risks in contemporary constitutional-law science of Russia]. Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie. № 10: 21–24.
8. Novikova A.E. 2017. Pravozashchitnye riski v Rossijskoj Federacii: definitivnyj, variativnyj i upravlencheskij aspekty [Human rights risks in the Russian Federation: definitive, variable and managerial aspects]. V kn.: Innovacionnye nauchnye issledovaniya: teoriya, metodologiya, praktika: sbornik statej X Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. Penza: MCNS «Nauka i Prosveshchenie» [Innovative research: theory, methodology, practice: collection of articles of the X International scientific-practical conference]. Penza, MTsNS «Nauka i Prosveshchenie»: P. 196–203.
9. Sokol P.V. 2006. Kommentarij k Zakonu Rossijskoj Federacii «Ob organizacii strahovogo dela v Rossijskoj Federacii» (postatejnyj) [Comment to the Law of the Russian Federation "on the organization of insurance business in the Russian Federation" (article-by-article)]. M., ZAO YUsticinform: 200 p.
10. Fofanov V.A. 2006. Osobennosti organizacii sistemy material'noj otvetstvennosti v Rossijskoj Federacii [Features of the organization of the system of liability in the Russian Federation]. Pravo i ekonomika [Law and Economics]. № 9: 61–71.

Ссылка для цитирования статьи

Reference to article

Новикова А.Е. 2019. Конституционно-структурная корреляция правозащитных рисков в основном законе 1918 года. Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 44 (3): 474–479. DOI 10.18413/2075-4566-2019-44-3-474-479

Novikova A.E. 2019. Constitutional and structural correlation of human rights risks in the basic law of 1918. Belgorod State University Scientific Bulletin. Philosophy. Sociology. Law series. 44 (3): 474–479 (in Russian). DOI 10.18413/2075-4566-2019-44-3-474-479